

Евразийство в переписке его активистов

Что такое евразийство? Известна сентенция: «Поскреби русского и обнаружишь татарина». Но это еще не евразийство! Можно сказать, что евразийство — это география, замешанная на большевизме. Или иначе: евразийство есть утверждение и осмысление не только многонационального мира России, но и шире... перемещение «палатки культуры» на Восток... «Евразия — узел и начало новой мировой культуры».

Само евразийство можно при желании обнаружить в символах, философии, истории, географии, политике задолго до появления самого термина: от византийского двуглавого орла — до творений Константина Николаевича Леонтьева с его туранством; от трудов Владимира Ивановича Ламанского — до издания в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия трехтомника «Азиатская Россия»; от известных «Скифов» (1918) Александра Блока — до Игоря Северянина с его стихотворением «Колыбель культуры новой» (1923):

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Попробуйте, сразитесь с нами!
 Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
 С раскосыми и жадными очами!
 Для вас — века, для нас — единый час.
 Мы, как послушные холопы,
 Держали щит меж двух враждебных рас
 Монголов и Европы!*

...

*Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
 В тяжелых, нежных наших лапах?..*

Этот грозный «гимн» евразийству появился раньше самого явления. Я сознательно не хотел употреблять термин «учение» — вследствие многосложности и некоторой литературной расплывчатости в объяснениях евразийства.

С евразийством связано и лирическое стихотворение Игоря Северянина «Колыбель культуры новой» (1923), позволяющее приблизиться к его пониманию с несколько иной стороны. Итак:

*Время настанет — Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, —
Родина Солнца — Восток!*

Итак, с одной стороны — «азиатская рожа», с другой — «новый цветок». Не странно ли?! Но совсем не странно, когда тютчевские строки о России, которую «аршином общим не измерить» могут некоторым образом иметь историческое продолжение в гимне России со словами:

*От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая —
Хранимая Богом родная земля!*

Да, с определенными оговорками можно согласиться с Н.В. Устряловым, писавшему П.П. Сувчинскому, что евразийство есть «литературное течение»¹, сами же «историософские категории евразийцев слишком все-таки схематичны, рассчитаны на слишком большие сроки и нуждаются в практических истолкованиях и дополнениях»².

Собственно говоря, сказанное Устряловым подтверждают и слова Н.С. Трубецкого, обращенные к Г.В. Флоровскому, что евразийцы «... должны перейти от деклараций общего характера к детализовке и конкретизации. Наш русский национализм, оторванный от русской почвы, грозит развеяться в отвлеченный туман» — фраза в связи с церковным вопросом объединения со старообрядцами «на почве обрядовой»³.

И теория так и не превратилось в «движение», хотя тот же СССР с его ненавидимым евразийцами, но не всеми, коммунизмом, шел по «евразийскому пути», разумеется, без православия, этого фундамента евразийства..

К этому следует добавить и сами расхождения в понимании евразийства, точнее, центра этого феномена. Достаточно вспомнить сочинения Трубецкого и Савицкого. Для первого характерно стремление к постановке общемировой проблематике, ясно обозначенной в его труде «Европа и человечество», где он пишет: «...надо построить социально-политический идеал, приложимый во всяком пункте земного шара и притом существенно отличный как от коммунизма, так и от буржуазной демократии, — и этот идеал поставить себе целью не в одной России, а во всем мире»⁴.

И более того: он заявил, что «не остается ничего другого, как выйти за пределы национально-ограниченной европейско-русской культуры и (*horribile dictu*) (страшно сказать. — *В. К.*) работать на культуру общеевропейскую...»⁵. Хотя тут же замечу, что мысль Трубецкого, бывало, «скакала» впереди слова. И о Европе, у него находились весьма хлесткие определения, о чем будет написано ниже.

В то время как для второго на первом месте стоит его Россия-Евразия, ее судьба во времени и пространстве. Савицкий, получивший от А.А. Ливена непонятное, как и само евразийство, прозвище «пеландрик» в своем «обосновании евразийства» (1921) говорил: «... в русских клокочет и горит действенная, творческая сила; русские являются всемирно-историческими “именинниками”; и в то же время с народами Ближнего и Среднего Востока Россию соединяет связь понимания и близости. Россия может стать фактором возрождения этих стран к новой исторической жизни. В этом отношении, как ни странно, большевики на правильном пути... Россия слишком огромна, не только пространственно, но и качестве сочетания культурных традиций и перспектив, слишком отдельна и слишком своеобразна, чтобы поместиться за общим европейским столом... Есть нечто подлинное во мнении, что Россия не приобщается, а противопоставляется Европе. И нет воз-

возможности сочетать в одном и том же отрезке времени в культурном бытии “Старого света” периода “европейского” с периодом “евразийским”... Или второго не будет, или первый придет к концу! Дело идет не о “гибели Запада”, но о сочетании культурных потенциалов, определительности культурных влияний. Здесь одно — важнейшее соображение является для евразийцев показательным и основным. Культуру будущего поведет за собою тот, в ком сильнее религиозное начало; и мы видим явные признаки, что в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке»⁶.

Итак, главное слово произнесено: это — «сочетание». Весьма затасканное слово, которое везде или почти везде будет звучать умно.

Подчеркну, что Савицкий мыслил евразийство как идеологическое, религиозное и научное движение.

Можно сказать и другое, тривиальное: основная евразийская мысль есть культурное своеобразие России.

А в чем это «культурное своеобразие» заключалось, можно задаться «глупым» вопросом? В том, что Россия была «между» Европой, не считавшей свою соседку европейской страной, и Азией, чуждой России по многим параметрам?

Нет, «культурное своеобразие» следует искать, не открою тайны, в православии. Именно оно строило Россию и именно с ним связаны многие страницы рассуждений евразийцев. Именно отношение к нему стало одной из причин раскола среди евразийцев, этих «детей революции», отвергаемой и признаваемой ими. По моему мнению, несколько размытое для одних православие служило не только фундаментальной ценностью, но, прежде всего, обязательным фоном для некоторых теоретиков евразийства, например, у Савицкого с Трубецким.

Расхождения были в отношении к существующей в России власти.

Так, «дань большевизму» отдавал не только Савицкий. Здесь можно назвать и Сувчинского. Сему есть подтверждение в переписке евразийцев.

23–24 февраля 1922 г. Г.В. Флоровский писал Н.С. Трубецкому: «Сувчинский продолжает упираться в ”возможность“ ”сотрудничать“ уже прямо с ”национал-большевиками“. Я в банду шулеров и ”развратителей“ идти не хочу»⁷.

Впрочем, все эти «слова» вполне объяснимы, исходя уже из взглядов Флоровского, ненавидевшего «большевиков» и их дела. Таких же взглядов придерживался и его корреспондент Трубецкой, один из умнейших людей России.

И еще одно примечание к словам Савицкого о том, что «в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке». Мне представляется здесь лишними три слова, а именно, «в настоящий момент». Религии Востока и тогда, и сейчас менее склонны к новациям, нежели христианство.

Обращение к религии, к христианству, к православию было для евразийцев одним из основных мотивов в их «писаниях», в их размышлениях на эту простую и в то же время весьма скользкую тему, тесно связанную с культурой, с бытом. И здесь такие евразийцы, как Флоровский и Трубецкой в ходе своей переписки «наворотили» много такого, что понимается мною с трудом, да и то не все. Итак, для начала несколько выдержек.

Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому (07.04.1923):

«Вполне признавая множественность несоизмеримых бытов, бытовых укладов, признавая новоевропейскую культуру больной и зараженной, я все более укрепляюсь в мысли, что “культура” есть и *должна* быть едина... Только резко подчеркнув свою религиозную “ориентацию” мы сможем соблюсти от соблазнов малых сих, в увлечении “исходов к Востоку” бросающихся в “восточные культы”, в упадническое увлечение экзотикой и даже в “азиатизм”»⁸.

Следовательно, насколько я понял, должна существовать только одна культура — христианская. Все остальное — побоку. Главное — это сама православная Россия, без всяких «поворотов».

Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому (01. 05. 1923):

«Если вместо “культуры” говорить о “быте”, все разъясняется: европейский быт худ, ибо вырос из удобопреврат-

ного духа ложно-принятого христианства, поэтому он не только не есть единоспасающая норма. Но и лживый образец. Надо создать свои бытовые формы, ставши хорошими и живыми православными и запасшись здравым смыслом и чутьем действительности: вот тут-то и появится “Восток” — не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе политической и хозяйственной тактики. «“Учиться” у Востока *сейчас* вряд ли чему придется, но учить надо со сдержанностью — колониально-культуртрегерскую психологию надоть побоку...»⁹.

Здесь ключевое слово «вместо». Но быт не есть культура в высоком смысле этого слова.. Более того, несколько неясно, с какого времени у Флоровского возникло «ложно-принятое христианство». Если после разделения Церквей, то как это отразилось на быте?

И еще одна «удивительная неясность», связанная с созданием «своих бытовых форм».

Разве православная Россия на протяжении своей многовековой истории таких форм не обладала таковыми? Или тут Флоровский говорит о чем-либо другом? Или это простая декламация?

Вызывает вопрос и некий «Восток»: что это? Россия? Евразия? Особенно странно, что «он» появляется не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе политической и хозяйственной тактики. Причем сами строки несколько противоречат друг другу, что вызывает недоумение. Может быть, здесь стоит говорить о нечеткости, расплывчатости представлений Флоровского?

Н.С. Трубецкой — Г.В. Флоровскому (15.05. 1923):

«...в этом сказывается Ваша тенденция ставить знак равенства между Евразией и православием. Правда, нельзя быть евразийцем, не будучи православным, но — не наоборот». «Я мыслю христианство вне культуры, как базис культуры, и тогда христианская культура будет результатом соединения христианства с бытом. Но т.к. в соединение с христианством могут вступать разные “быты”, то и христианских культур может быть несколько. Поскольку бытов много, много и культур... Многообра-

зие бытов и культур естественно, оно Богом установлено, и всякое стремление к упразднению его не от Бога, а от гордыни человеческой и след<овательно> от сатаны: Вавилонская башня — красноречивый пример, как Бог гордыне сатанинской противопоставляет национальные различия. Потому-то всякий интернационал в корне греховен и порочен, потому-то европеизация неизбежно связана с сатанизмом, социализмом и прочими гадостями¹⁰.

Здесь несколько непонятен тезис автора о том, что множество «бытов» обуславливает многообразие христианских культур, и при всем том само христианство представляет собою базис для культуры.

Тут возможно только одно: отсчет ведется от первых веков христианства. И еще весьма любопытная мысль о том, что провозглашенную им универсальную общемировую проблематику Трубецкой противопоставляет интернационализму, ведущему к ликвидации многообразия «бытов и культур». Иными словами, «культурное» различно от «социального», не так ли?

Чтение переписки евразийцев позволяет понять, что у каждого из них была своя правда, свое евразийство. Все это усложняло его восприятие как целостного феномена. Причем, среди лидеров, наблюдались и известные «отклонения», которые, можно считать, только обогащали евразийскую мысль и одновременно свидетельствовали о непонятных «розовых надеждах» на новую Россию.

Например, Сувчинский, известный по Кламарскому размежеванию, вставший в оппозицию к Савицкому, писал в одном из своих ранних писем к Флоровскому (25.11.1923): «... дело православное есть в *данное* время — делание и восстановление *русского материка*, русской государственной плоти, как места опоры для вселенского делания. Не будет этого упора — Православию грозит судьба католического космополитизма, а ведь это — сатанинская подмена вселенскости. То же и с исповеданием единой Православной Церкви. *Из одного корня* — она должна разрастись и покрыть своими ветвями весь мир...

Короче говоря — для православия нужна Россия...»¹¹.

Как-то немного грустно читать эти строки сменовеховца, связанные, надо полагать, не с большевистской властью, а с русской, и в то же время нелегко понять каким образом православие «покроет своими ветвями весь мир». Разве только по произволению Творца.

Флоровский также связывал, можно сказать, свое евразийство с идеей православия, утверждения и упрочения православной России.

Кстати сказать, евразийцев волновали не только проблемы теоретического порядка, но и весьма приземленные. Так, 14 ноября 1924 г. Петр Семенович Арапов в связи с намечавшимся открытием Свято-Сергиевского Богословского института в Париже писал другому Петру, Сувчинскому, о том, что если бы удалось «достать» 200 тысяч франков для покрытия недостающей суммы для устройства института, то эта институция оказалась бы в их руках. «Мы могли бы, — писал он дальше, — выставить ряд условий касательно Булгакова, Бердяева и Софийцев вообще»¹². Однако эта авантюрная, но не лишенная некоторой трезвости идея, не была осуществлена. По моему мнению, «вождей» в евразийстве хватало, даже с излишком, имея в виду их различия в толковании самого феномена. Вхождение же Булгакова с Бердяевым и иже с ними могло привести к еще большему размыванию евразийства.

Только один пример: 31 декабря 1923 г. Трубецкой писал Сувчинскому об о. С. Булгакове: «...тип неврастенического богоискателя, "вечного странника", который никогда и ни на чем не может успокоиться». Добавлю, что и сам «орден русской интеллигенции» (весьма рыхлое и неустойчивое образование), связываемый автором письма с Булгаковым, мог, по мнению Трубецкого, «принести вред. Но не потому, что за ним пойдут, а потому, что вследствие его деятельности, утратят способность, куда бы то ни было идти»¹³.

Этой «рыхлости» не было, повторю, лишено евразийство. Так, Савицкий, со своей стороны, видел евразийство в России. И в ее истории, и в расширении ее пределов, и в ее

мировом значении, и в ее восточных делах и задачах. Сувчинский же полагал, что евразийство, связанное с культурой, может быть воспринято и в политике, например, для выхода на большевиков и диалога с ними, что, как известно, вызвало «раскол» в евразийской среде.

Свое понимание евразийства было и у Флоровского. По мнению Трубецкого, «расхождение это сводится к тому, что, по его мнению (Флоровского. — В. К.), только прямое религиозное делание и аскетическая работа над самоусовершенствованием, является абсолютно ценной, все прочее настоящая суета». «Не возражая против этого, по существу, констатирую, — пишет далее Трубецкой, — что такой взгляд логически и практически требует от сторонника фактического ухода из мира и принятия иночества. Если же оставаться в миру, то по необходимости приходится ограничивать себя работой над относительными ценностями. Европейская культура и европейские идеологии (культурные, политические, научные и т.д.) несовместимы с православием. Разрушая эти идеологии и стараясь заменить их другими, более совместимыми, мы творим дело, полезное для Церкви, хотя, конечно, и несоизмеримо менее ценное, чем работа подвижника»¹⁴. Все это можно рассматривать как отстаивание своей правоты с извинениями, чтобы, не дай Бог, в чем-то возвыситься над православием. Но, как писал 10 февраля 1924 г. Флоровский Трубецкому, дело не в «выходе из мира» и пострижении в монахи. Для него — «церковные вопросы есть *первые и основные...* в том смысле, что они все и вся в себя включают. Поэтому с них надо *начинать*». И немного дальше возьму у Флоровского: «Мир для него (Флоровского. — В. К.) вовсе не безразличная чепуха, а *религиозная задача...*»¹⁵.

Именно эти различия и привели в конечном итоге к разрушению диалога и обмена своими мыслями/идеями в разных отраслях географии, лингвистики, политики, истории, религии, литературе и пр.

Соответственно, евразийство как целостный и в то же время многосторонний, богатый идеями феномен интеллектуальной мысли оказался мнимым. Частное одержа-

ло верх над целостным. Можно сказать еще и резче: евразийство представляло собой если не аморфную массу идей, то, прежде всего, персонифицированную в лице его главных действующих лиц.

Георгий Флоровский в письме к Николаю Трубецкому (17.10.1923), касаясь темы разлада в евразийской среде, писал следующие строки: «Отрицать “личные” мотивы и “личные” разрывы я не стану... И одна из главных причин нашего разлада в том, что мы недостаточно “хороши”, чтобы исповедовать друг друга и налагать друг на друга эпитимьи. Мы молчали о многом из ложной стыдливости, — о том, о чем надо сказать. Признаю прямо, я перестал доверять Савицкому, а с его стороны последовал ряд более, чем несдержанных, мелочных, дурно самолюбивых выпадов, которые сделали для нас невозможным и нежелательным личное общение. Я не чувствую в нем искренности и прямизны, не могу отделаться от ощущения, что религиозная проповедь для него тактический прием, что главное для него — некий “эффект”... Но сказать ему этого нельзя. Думаю, что прав, когда предполагаю у него некую зависть к себе и стремление быть *всюду* на первом месте, даже и там, где нужно было бы скромничать»¹⁶. И далее Флоровский в том же письме подчеркивал: «Нельзя проповедовать религиозную культуру, можно проповедовать *только веру*... А прочая приложится... Иначе получится демагогия. Вместо православной веры получается вера в православие, подмененное ущербляющими формулами: православное царство, святая Русь и т.д. И когда с этим сочетается лукавый оптимизм, что, дескать, в Евразии райские сады расцветут и православный царь всея Евразии от мыса Дежнева до мыса Доброй надежды будет упражнять свою деспотическую власть, мне становится *религиозно-страшно*... Будет или не будет Великая Россия, а православным надо во всяком случае быть, надо оживить для себя церковное предание, надо воцерковить себя»¹⁷.

Однако, тогдашнее «евразийство», ее лидеров можно было уподобить персонажам басни Ивана Андреевича Крылова «Лебедь, рак и щука».

Так, 26–27 ноября 1928 г. Трубецкой писал Сувчинскому: «В своем большом письме ко мне Вы выразили свое отношение к попыткам построить систему е[вразий]ства. Выходит, что системы вообще никакой быть не должно, потому что система связывает, а мы должны быть свободны.

У нас не должно быть догматов. Мы не должны ссылаться на ранее высказанные положения, не должны избегать противоречий с этими положениями. Таким образом, е[вразий]ство есть непрерывный ряд логически друг с другом несвязанных импровизаций. Объединять их друг с другом должна не логика (Боже упаси!), а общий стиль, тон, а кроме того и то, что все эти импровизации должны быть парадоксальны... К сожалению, Вы и не только в этом письме проявляли такое же отношение к е[вразий]ству... Я почитал эту задачу единственной, ибо большевистской практике мы своей практики противопоставить не можем... Подбирая одно положение к другому, как камень к камню, я строил ев[разий]скую систему как единое здание — с трудом, ибо работа это нелегкая. И вот потому-то меня особенно всегда огорчало отношение некоторых из нас к этой созидательной работе. Особенно П[етр] С[еменович] А[рапов] часто проявлял к ней совершенно непозволительно легкомысленное отношение, рассматривал е[вразий]ство как белый лист бумаги, в который можно написать все, что угодно, с тем чтобы потом вновь вычеркнуть и вписать как раз противоположное. Много вредил в этом отношении и Л[ев] П[латонович] К[арсавин] со своими фокусами, создающими впечатление действительно неограниченной емкости е[вразий]ских схем, в которые путем казуистики и ловкости рук можно втиснуть что угодно...

В конце-концов, выходит какая-то глупая, бесцельная и бесконечная комедия. Пора наконец ее окончить. Совместно с П<етром> Н<иколаевичем> С<авицким> — Вы работать не можете. Я вообще отказываюсь работать в е<вразий>стве. Значит и признаем, что каждый из нас

троих отныне должен идти своим путем. Не озираясь на других. А для того чтобы организационно закрепить и оформить это положение, упраздним общее название "евразийство", которое в настоящее время фактически стало совершенно бессодержательным, и вместо него введем новые названия для каждого течения: Вы назовитесь "социал-евразийством", Петр Николаевич Савицкий — "национал-евразийством", а я пока обойдусь без всякого названия, так как в ближайшее время все равно "выступить" не намерен и уйду всецело в науку»¹⁸.

В общем, как писал Сувчинскому Трубецкой пятью годами раньше, «взаимной любви» не получалось, на которой и держалось или должно было держаться евразийство¹⁹.

И здесь можно только, иронично говоря, искать причину в «неразделенной любви», когда ее «предмет» искали столь разные по своим теоретическим построениям идеологи евразийства. Сюда же добавлю, евразийцы не смогли даже создать свой «орден», как это сделали младороссы или заграничные русские интеллигенты. Хотя одна попытка, насколько мне думается, была. Это создание своего шифра, о котором будут строки несколько ниже.

Расхождений было больше, нежели единства. Для примера: Савицкий воспринимал евразийство как «систематическое россиеведение», в то время как П.Н. Малевский-Малевич отстаивал всемирность «нефтяного дела»²⁰.

Нефть? Откуда она здесь? В своей «литературе» евразийцы, точнее, тройка лидеров — Савицкий, Сувчинский, Трубецкой, разработали удивительный шифр для переписки, позволяющий в определенных случаях определить отношение к своим корреспондентам, вплоть до самих стран.

Несколько выборочных примеров:

Евразийство — ЕА, хлеб, нефть, соль;

Евразийская идеология — нефтяная кредитная установка;

Коммунисты — конкуренты;

Масоны — виноделы;

Монархисты — складовики;

*Политическая деятельность — промышленная работа;
СН — Совет нефти (Евразийский Совет)²¹.*

Особенно впечатляет изумительное предвидение евразийства как «нефти»!

Да, были евразийские или «нефтяные» искания, литература, расхождения, вплоть до разочарований в евразийстве, была и критика — как «внутренняя», так и «внешняя».

К внутренней относится высказывание Трубецкого в письме к Сувчинскому (2 декабря 1928): «Утверждение, что "евразийство не есть сложившаяся система", для меня равносильно признанию, что вся моя работа до сих пор была толчением воды в ступе»²².

К внешней — статья «Богоискатели, евразийцы и материальная культура» «сукина сына» Ал.Д. Билимовича, профессора Люблянского университета, в которой он писал: «Рассуждения о „религиозных озарениях“ и „евразийских свершениях“ в то время, когда наш народ умирает от казней, эпидемий и голода, когда народ доведен революцией и большевиками до того, что в XX-м веке возродилось помнимое по старым сказкам людоедство, — как хотите, но это духовное извращение»²³.

Критику евразийства Трубецкой назвал «подогретыми экскрементами». Однако у Антона Дмитриевича Билимовича была своя правда и свой взгляд на Россию. Можно даже сказать, что и «сукин сын» тоже был евразийцем по месту рождения, но не по мыслям.

Не могу здесь не упомянуть знаменитую речь Ивана Алексеевича Бунина (1924), в которой миссию русской эмиграции он видел в неприятии всего того, что творится на его родине, где слышны «голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи». Поэтому можно понять Билимовича с его неприятием новых «учений». Впрочем, и Трубецкой с его защитой мысли, слова имел право защищать свои размышления. Дело, как мне представляется, несколько в другом: в интеллектуально-патриотическом восприятии России. Если евразийцы основное внимание

уделяли теории, то такие люди, как профессор Билимович, полагаю, реалиям.

Возвращаясь к «внутренней критике», нельзя не упомянуть Г.А. Ландау, печатавшего критику евразийства в газете «Руль» (Берлин). Для таких лидеров евразийцев, как Г.А. Флоровский, А.А. Ливен, П.П. Сувчинский критика обуславливалась еще и его еврейским происхождением, о котором неоднократно и в весьма грубой форме писали «отцы-основатели». Так, в письме к Г.В. Флоровскому (28.02.1922) образованнейший Трубецкой писал: «...наши враги жидоскоты, жидагады и публицистические гримзы»²⁴. Впрочем, у многих умнейших натур неприятие еврейства было одним из «скреп» их мировоззрения.

Здесь большой интерес представляют материалы из «Руля» (1922), которые можно озаглавить тривиальным «из двух углов», где «истец» — Ландау, «ответчик» — Савицкий. Основное сражение развертывалось вокруг самого евразийства. Ландау полагал, что «направление» евразийцев, обнаруживаемое у Савицкого, «не в антропогеографической теории, не в религиозном направлении, не в национальной тревоге, оно — в бездейственном самоутешении»²⁵.

И дальше весьма остро: «Содержание евразийства отлично от других интеллигентских направлений, которому оно может быть и враждебно, но функции их одинаковы: самообольщением отвлечься от происходящего, сбросить с себя муку за прошлое, освободиться от тревоги за будущее»²⁶.

Что же, можно сказать, внешне критик не столь уж неправ. Достаточно здесь вспомнить движение младороссов, которому было свойственно также увлечение «литературой».

В определенной степени взгляды младороссов были близки мировоззрению евразийцев. Но... Одно из основных различий обуславливалось несхожестью трактовок российской истории, прежде всего, неприятием глобального влияния азиатского фактора на становление российской государственности. Тем не менее, приверженцы Казем-Бека не теряли надежды, что «евразийцы сумеют преодолеть в себе те уклоны, которые могли бы лишить их

национальных корней и что в будущем они разглядят за наследием Чингизхана и наследие Киева, Москвы и даже Петровой столицы. Надо думать, что самое понятие “евразийство” не будет больше искажаться пан-азиатскими устремлениями, что центр тяжести не будет переноситься с некоторой искусственностью на наши туранские истоки и что десять трудных веков необходимой и славной русской истории не будет отрицаться огулом»²⁷.

В ответ на упрек в «бездействии», Савицкий писал: «В чем бездейственность: в том ли, что мы уклоняемся от тона передовицы “Общего дела” (тона, который сам по себе почтенен); в том ли, что не призываем к мечу гражданскому, к образованию ”штаба для борьбы с разложившимся большевизмом“? Да, мы не делаем этого — ибо меч и штаб сильны не сами по себе, но в некоем ином контексте. Воинствовали мечом и штабом — не победили. И прежде, чем думать о ”штабе“ и ”мече“ — нужно, во времена нынешние, думать об оружии сильнейшем. Имеющий уши да слышит»²⁸.

Как все это оценить? Ответ напрашивается таков: у Ландау больше провокативности, у Савицкого больше «литературы», точнее, аполитичности, оцениваемой как «неделание».

Впрочем, следует сказать, что упрек в «бездеятельности» был не только с «еврейского слева», но и с «евразийского справа». Я говорю о Флоровском, который в письме к Сувчинскому (06.09.1923) излагал свою позицию по этому вопросу: «Весь смысл и оправдание евразийства — в предметности и творческом упоре наших первых шагов. Сейчас мы не хотим трогаться с места и расплываемся в беспредметности. *Как евразиец*, я кричу об опасности...

...Предел конкретизации для нас национально-философская проповедь и рефлексия... Нас четверых когда-то соединила мечта среди всеобщей одержимости скороспелым пафосом действия создать упор для подвига медленного выстраивания нового духа, мечта о новой, живой, творческой, свободно-русской православной культуре. На нас лежит долг ее строить, каждому по своему, со своего

угла. Я не предаю этой мечте... евразийцы должны делать свое *прямое* дело — религиозно-культурной проповеди; наша подлинная тема — Правосл<авие> и Культура»²⁹.

И ненавистную «Европу» и ее «пропагандистов-жидов» евразийцы пинали, что было сил. Так, Трубецкой, рассуждая в письме к Сувчинскому (1922) о творчестве Ильи Гершовича Эренбурга и его связи с футуризмом, подвергал резкой критике это «новое искусство», воспринимаемое Трубецким в качестве орудия разрушения красоты, ведущего «к хаосу, к духу бездны, к антихристу». Для него футуризм ценен только потому, что он «изображает всю отвратительность Европы»³⁰.

Одновременно поднятие на щит футуризма евреями, Трубецкой почему-то считал доказательством их культурной бесплодности, стихийной работы на поле разрушения искусства гоев. Странно все это уже потому, что не все сыны Моисея были вовлечены в эту деятельность, там было немало и «своих», достаточно вспомнить Маяковского. Но все становится понятным, если учесть, что все беды России многие мыслящие люди связывали с так называемым жидо-масонством, захватившем страну.

Причем, свою «любимую Евразию» «нефтяники» противопоставляли, что совершенно естественно, западному миру, вобравшему в себя все грезы и заблуждения человека западного образца. 30 декабря 1923 г. Трубецкой писал такие строки Савицкому:

«Дорогой Петр Николаевич, я вообще не разделяю Вашего (и Г[еоргия] В[асильевича Флоровского]) благожелательного взгляда на Америку, но ради ихних долларов, которые нам очень нужны, согласен не протестовать против того, чтобы от имени евразийцев польстить американскому национальному самолюбию. Однако мне все-таки кажется, что Вы в этом отношении немного переборщили. Ведь все же нельзя забывать того, что пока что Америка является самой типичной представительницей всех отрицательных сторон Романо-германской цивилизации. В Европе такой же страной является Германия... Сейчас Америка хуже Европы, ибо в Европе есть хотя бы воспоми-

нения Средневековья. Ваши надежды на то, что Америка преодолет воинствующий экономизм мне представляются мало основательными: заметьте, что социализм-коммунизм вовсе не есть единственная форма апогея воинствующего экономизма.

Итак, по-моему, прогноз культурной миссии Америки следовало бы выразить осторожнее. Далее, безусловно, не следует вводить в эту перспективу «англосаксонскую расу». Раса, откровенно говоря, прескверная и вреднейшая. Если из Америки когда-нибудь выйдет толк, то толк потому, что эта страна не чисто англосаксонская и только поскольку она не чисто англосаксонская»³¹.

Итак, два вопроса. Первый: отчего такое отношение к Америке? Возможно тем, что эта территория иммигрантов, «сделавших себя американцами», и уничтоживших «вольную жизнь» индейского населения.

Второй: почему же англо-саксонская раса «прескверная»? Вопрос для меня весьма труден. Возможно, ответ стоит искать в личном отношении к англосаксам как завоевателям тех же бриттов? И одновременно, легок. Англосаксы принадлежат к «западному миру», воспринимаемому в евразийских писаниях весьма критически.

И, наконец, тривиальное — связанное с «просоветским» Клармаром, точнее, с издававшейся «просоветской» газетой «Евразия» (1928), с «азиатски-косоглазым евразиио-коммунизмом» (Ф. Степун), резко разделившей лидеров евразийцев — Савицкого с Сувчинским «со товарищи». В расколе, по свидетельству Савицкого, был «замешан» советский консул в Париже Туманов, советовавший Сувчинскому освободиться от «бердяевщины» (под которой сам Савицкий подразумевал русскую религиозную философию), а также деньги и «коммуноид» Маяковский, с которым в «Евразии» собирались крепить отношения, и многое другое³².

И еще о «раскольнике» Сувчинском, для которого евразийство превратилось в «сомнительную антрепризу». В своей записке Савицкий (1928) пишет о нем и как «искателе» другого пути, отличного от евразийства: «он начал читать коммунистическую литературу. Ранее того он был

очень плохо с нею знаком, по невежеству в политико-экономических вопросах... Коммунистическая литература произвела на этого **литератора** (выделено мною. — В. К.) на четвертом десятке лет его жизни, такое же впечатление, какое она производила в дореволюционной России на гимназистов третьего класса. Он решил, что коммунизм есть система, а дотоле существовавшее евразийство "так что-то" и отнюдь не система»³³.

Здесь следует подчеркнуть три существенных момента.

Первое: сила идей страны победившей революции захватывала не одного Сувчинского, но и весь мир.

Второе: сам Савицкий с его увлечением национал-большевизмом тоже отдавал должное переменам на Родине.

Третье: по моему мнению, идеи евразийства — не идея — были настолько масштабны, что требовали ни больше ни меньше как переустройства всего мира.

В итоге, как уже говорилось ранее, победила «география, замешанная на большевизме». Достаточно вспомнить государственный герб СССР.

Сейчас на башнях Кремля можно вновь увидеть двуглавого орла: победила география, замешанная на духовных скрепах.

Многое из евразийства было воспринято в нашей стране, где в культуру возвращалась и традиция в новом «платье».

Хотелось бы напомнить слова из «Исхода к Востоку»: со «свершениями» было трудновато, с «предчувствиями» же было гораздо легче. Слово опережало дело.

P.S. Если говорить резко, то евразийство содержало немало тривиальностей, облеченных в «новое платье», и замешанное на мессианизме. Оно и сейчас пользуется спросом у политиков.

P.P.S. Недавно я видел книгу под любопытным названием «Русские в Евразии». По сути, там рисуется картина «русского жития» на пространствах многонациональной Российской империи. Все это мне представляется несколько симптоматичным для «времени подмен», в том числе и когда Россия «замещается» Евразией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Устрялов Н.В. Письма к П. П. Сувчинскому. 1926–1930. Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания К.Б. Ермишиной. М., 2010. С. 36.
- ² Там же. С. 18.
- ³ Н.С. Трубецкой — Г.В. Флоровскому 15. 05. 1923 // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. New York, 2011–2012. С. 116.
- ⁴ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб., 2008. С. 349.
- ⁵ Там же. С. 337.
- ⁶ *Савицкий П.Н.* К обоснованию евразийства // Записки Русской академической группы... С. 324–325.
- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 104–105.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Там же. С. 112, 113, 114.
- ¹¹ Там же. С. 195.
- ¹² *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2010. С. 613.
- ¹³ Там же. С. 254–255.
- ¹⁴ Там же. С. 238–239.
- ¹⁵ Там же. С. 241.
- ¹⁶ Записки Русской академической группы... С. 123.
- ¹⁷ Там же. С. 123–124.
- ¹⁸ *Глебов С.* Указ. соч. С. 553, 554, 555.
- ¹⁹ Там же. С. 226.
- ²⁰ Там же. С. 556.
- ²¹ *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 326.
- ²² Там же. С. 286.
- ²³ *Глебов С.* Указ. соч. С. 570–571.
- ²⁴ Записки Русской академической группы... С. 71.
- ²⁵ *Ландау Г.А.* Евразийское самоутешение // Записки Русской академической группы... С. 329.
- ²⁶ Там же. С. 330.
- ²⁷ К молодой России... Сборник Младороссов. Paris, 1928. С. 46.
- ²⁸ *Савицкий П.* Дела и призраки — I (ответ Григорию Ландау) // Записки Русской академической группы... С. 343.
- ²⁹ Записки Русской академической группы... С. 214, 215.
- ³⁰ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 29
- ³¹ *Глебов С.* Указ. соч. С. 460–461.
- ³² Кламарский раскол в евразийском движении (Из архива П.Н. Савицкого) // *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 287–323.
- ³³ Там же. С. 290.